

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ» В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОКОВ

В статье на основе архивных материалов, часть из которых вводится в научный оборот впервые, анализируется восприятие коллективизации, хлебозаготовок в Средневолжском регионе. В работе использованы документы партийных и советских органов, полномочного представителя ОГПУ и подчиненных ему отделов, письма, обращения, жалобы граждан, сохранившиеся в архивах. Автор пришел к ряду выводов. Во-первых, отношение к «великому перелому» было неоднозначным; наряду со сторонниками и проводниками партийно-государственной политики было немало занимавших выжидательную позицию и противников. Во-вторых, и в среде тех, кто был предназначен проводить коллективизацию, хлебозаготовки, бороться с кулаками, оказались сомневавшиеся в правильности политики. В-третьих, в условиях неграмотности, недостатка официальной информации значительную роль в общественно-политической жизни деревни играли слухи. В-четвертых, качество представляемой информации было достаточно высоким, а уровень достоверности связан со стремлением партийно-государственных органов получать точную информацию с целью адекватного реагирования на ситуацию.

Ключевые слова: «великий перелом», ментальность, власть и население, коллективизация, хлебозаготовки, партия, крестьянство, исторические источники.

«Великий перелом», по выражению И.В. Сталина, обозначил форсированное проведение индустриализации и коллективизации крестьянства на рубеже 1920–1930-х годов [17].

Актуальность исследования данной темы обусловлена как ее недостаточной научной разработанностью в исторической науке, так и необходимостью поиска наиболее эффективных методов учета общественного мнения при разработке властями политического курса.

Литература по данной теме многочисленна и разнообразна. В исторической литературе советского периода доминировали позитивные характеристики «великого перелома», коллективизации, а продовольственный кризис времен первой пятилетки рассматривался как следствие «кулацкого саботажа» и «вредительства» [11; 20, с. 389]. В работах конца 1980-х и 1990-х гг. были сформулированы выводы о сталинской коллективизации как трагедии советской деревни, об антикрестьянской политике сталинского руководства, целью которой была эксплуатация деревни, выкачивание из нее ресурсов ради индустриальной модернизации

* © Парамонов В.Н., 2016

Парамонов Вячеслав Николаевич (parvja@mail.ru), кафедра истории и философии науки, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

страны [1; 3; 6; 9; 10 и др.]. В монографиях и статьях содержались материалы о реакции населения на проводимые властью мероприятия. Акцент делался на противостоянии крестьянства и государства в годы коллективизации, а самую коллективизацию, «великий перелом», стали сравнивать с гражданской войной, с войной власти с собственным народом [2; 22]. Интересны книга Н.В. Тепцова, основанная на письмах и воспоминаниях современников коллективизации [18] и работа А.Я. Лившина и И.Б. Орлова «Власть и общество: Диалог в письмах» [14], в которой специально анализируются письма как исторический источник о настроениях различных слоев населения.

Прорывными, на наш взгляд, изданиями по теме стали сборник «Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в ходе коллективизации» [8], пятитомник «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание» [19], четырехтомник «Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939» [16], трехтомник «Голод в СССР. 1929—1934» [4], сборник «Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг.» [5]. Из региональных сборников документов по теме интересен сборник «Коллективизация на территории Волгоградской области 1928—1932» [12]. Налоговая политика советской власти документально освещается в сборнике «Тянут с мужика последние жилы...» [21].

Представленные в перечисленных сборниках материалы, многие из которых были рассекречены и стали доступными исследователям лишь недавно, раскрывают особенности взаимоотношений власти и общества в период «великого перелома», отражают палитру мнений различных групп населения по поводу происходящего. Особо следует отметить обращение составителей сборников к эпистолярному жанру, к письмам крестьян своим родным в Красную армию, их жалобам в центральные и местные органы власти, раскрывающие характерные черты восприятия крестьянами политики модернизации.

Можно согласиться с выводом В.В. Кондрашина о том, что в последние десятилетия исследователями собран ценнейший материал об аграрной политике сталинского руководства в годы первой пятилетки [13]. Вместе с тем для целостного восприятия взаимоотношений власти и населения в условиях «великого перелома» требуется дальнейшее применение современных методологических подходов, предполагающих использование междисциплинарных методов и расширение источниковой базы. Концепция «великого перелома», представляющая собой в современной историографии теоретическое осмысление перехода к модели форсированного развития, позволяет анализировать трансформацию ментальных изменений населения регионов, динамику изменений сознания различных социальных групп.

В настоящей статье рассматривается восприятие коллективизации, хлебозаготовок в Средневолжском регионе. Документы партийных и советских органов, полномочного представителя ОГПУ и подчиненных ему отделов, письма, обращения, жалобы граждан, сохранившиеся в архивах, позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, отношение к «великому перелому» было неоднозначным: наряду со сторонниками и проводниками партийно-государственной политики было немало занимавших выжидательную позицию и противников. Во-вторых, и в среде тех, кто был предназначен проводить коллективизацию, хлебозаготовки, бороться с кулаками, оказались сомневавшиеся в правильности политики. В-третьих, в условиях неграмотности, недостатка официальной информации значительную роль в общественно-политической жизни деревни играли слухи. В-четвертых, качество представляемой информации было достаточно высоким, а уровень достоверности связан со стремлением партийно-государственных органов получать точную информацию с целью адекватного реагирования на ситуацию.

Источники свидетельствуют о нейтрально-положительном отношении крестьян к новой экономической политике. Лишь с конца 1927 г. наблюдаются изменения в настроениях сельского населения. Ужесточение мер хлебозаготовки было расценено как резкое изменение политики партийно-государственного руководства СССР. Крестьяне не хотели продавать произведенную продукцию по низким закупочным ценам. Во властных структурах в обиход начинает входить выражение «хлебозаготовительный фронт». Психология многих руководителей строилась на принципе «Лучше перегнуть, чем недогнуть» [19, т. 1, май 1927 – ноябрь 1929 г., с. 40].

Конечно, многие члены ВКП(б), исходя из марксистского положения о преимуществе крупного хозяйства, искренне верили, что коллективизация сельского населения будет способствовать преодолению отсталости страны, подъему сельского хозяйства, переходу крестьянства с частнособственнических на социалистические позиции. Ради этого ими допускались жертвенность, временные лишения и т. п. Однако немало коммунистов не соглашались с методами проведения коллективизации, о чем свидетельствуют письма в ЦК ВКП(б) и выступления на пленумах партийных комитетов и собраниях.

Публично относительно происходящих изменений рядовые коммунисты высказывались редко. Оргсектор ЦК ВКП(б) 30 апреля 1932 г. отмечал, что рядовые коммунисты-колхозники на собраниях обычно выступают мало, несмотря на хорошее знание положения в деревне. Некоторые прямо заявляют: «Когда я был беспартийным, я гораздо больше выступал. Я тогда не боялся ошибаться. Знал, что меня исправят. А теперь боюсь, ошибешься и получишь взыскание» [15. Оп. 13. Д. 1. Л. 98].

В обращениях многих коммунистов, советских работников содержится разочарование проводимой политикой. В феврале 1931 г. на имя Сталина поступило письмо кандидата в члены ВКП(б), рабочего А. Егорова, месяц прожившего в деревне: «Тов. Сталин! Знаете ли вы, какое положение существует в настоящий момент по деревням, а положение, нужно прямо сказать, ужасное и тяжелое... Почему, за что... с крестьяни-на сейчас выкачивается все, что можно... Хлебозаготовки прошли или почти, хлеб выкачан на добровольных началах... Берется практически все, последняя корова, овцы, а если что и остается, то контрактуются, но какая же это контрактация, если приказывают подписать договор, а нет – статья... Беднота при каждом новом мероприятии советской власти откровенно клянет все на свете, а кулак молчит, а если и клянет, то про себя, потому что за одно лишнее слово его ожидает ссылка в Соловки... Можно очень много говорить о настоящем черном положении, к сожалению, о хорошем, светлом сказать нечего». Егоров пишет о своем выходе из партии, о необходимости облегчения жизни крестьян, о своем разочаровании, поскольку советская власть показала себя с самого начала с одной из плохих сторон – одни обещания, которым народ уже не верит [15. Оп. 12. Д. 1. Л. 27–28].

Иногда происходящее приводило к суициду. Председатель сельского совета с. Кочетовка Каменно-Бродского района, покончивший жизнь самоубийством, в предсмертном письме сообщал, что к этому его подвела насильственная коллективизация, самоуправство уполномоченных [15. Оп. 20. Д. 697. Л. 78].

Крестьянство крайне негативно реагировало на административно-репрессивные методы, принудительный характер продовольственных заготовок в годы первой пятилетки, поскольку их объемы и методы реализации ущемляли его интересы. В Покровском районе Средневолжского края шли разговоры о том, что «государство взяло хлеб и теперь хочет взять весь скот... государство хочет всех крестьян разорить» [15]. Бедняк Лисенков заявлял: «При этой власти хорошо живет только ученым, мужикам же жить не возможно, все забирают. Теперь хорошего не видать не только нам, но и детям нашим» [15]. Бедняк Фаликов, село Ново-Михайловка, говорил: «Ну и жизнь

пришла, много вспашешь — раскулачат, мало вспашешь — опять виноват. Придется все распродать, оставить одну коровенку и жить припеваючи». Середняк Шиняев заявлял на собрании в селе Райдовке: «Мы хлебозаготовок не выполним, т. к. граждане сидят без хлеба, и кроме того, у нас отбирают последнюю скотину. Отдать хлеб и скотину — это значит самим остаться на верную смерть» [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 237].

Показательны высказывания на собраниях о посевной кампании в феврале 1931 г.: «...о колхозах думать некогда, душите налогами, дайте хоть месяц свободы»; «...частный капитал уничтожили и торговлю, а сейчас даже керосину вдоволь не даете»; «...оставляете крестьян без мяса и жиров, хоть бы рыбы дали»; «...в колхоз идут только бессовестные, которые не хотят работать»; «...вы говорите, что жалеете бедноту, помогаете ей, а зачем же загоняете в колхоз»; «...дайте нам свободу, мы и без колхоза разовьем хозяйство»; «...бедняк и в колхозе ничего хорошего не получит»; «...может быть, в ЦК партии есть вредительство, когда ведут такую линию, обируют крестьян скотом и налогами»; «Ленин не говорил, чтобы так быстро и круто перестраивать сельское хозяйство и проводить коллективизацию»; «...наболело, нет терпения слушать о колхозе»; «...драться будет, а скот не дадим»; «...в колхозе надо работать без головы, а только с руками и ногами»; «...какие у нас кулаки, всех разорили, все сейчас одинаковы»; «...вы делаете не по учению Ленина, он не говорил, что надо так круто обращаться с крестьянами»; «...сколько раз стригут овец, и сколько раз в году вы стрижете мужика»; «...говорите, растем, а у нас нет ничего» [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 76–77].

Антиколхозная направленность высказываний все более усиливалась по мере нарушения принципов добровольности, материального стимулирования труда и т. д. Типично внеочередное донесение уполномоченного ПП ОГПУ Кошкинского района Крутилина в марте 1931 г., в котором он сообщает о массовом выходе из колхозов. Свое нежелание быть в колхозе крестьяне объясняли принудительной коллективизацией, когда «загоняли людей посредством запугивания», что «когда заходили в колхоз, нам говорили, что никаких задолжностей с нас требовать не будут, а теперь требуют фураж и семена, а у нас хлеба нет, все сдали по хлебозаготовкам» [15. Оп. 20. Д. 312. Л. 12].

Принудительное вовлечение в колхозы связывали с разорением крестьян. В селе Покровка середняк Большевский заявлял: «Советская власть насильно загоняет крестьян в колхозы, отбирает скот, инвентарь и ведет крестьянство к разорению» [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 238]. В Мокшанском районе была распространена частушка: «Вставай, Ленин, ложись, Сталин, мы в колхозе жить не станем» [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 361 об.]. А в селе Жемковка Сызранского района пели частушку: «Все колхозники — шпана, у троих одна штана, один носит, другой просит, третий в очередь стоит» [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 178]. Негативную оценку вызывали безобразия, творимые руководством колхозов, за что, например, бригадиров иногда сравнивали с опричниками [15. Оп. 20. Д. 634. Л. 3–3 об.].

Справедливости ради следует признать, что в документах содержится и иная позиция — свидетельства признаний бедняков, что в колхозе им жить лучше [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 237 об.]. В колхозе «Земледелец» Соль-Илецкого района бедняки заявляли: «Раньше нас кулак держал церковью, лавочкой, хутором, теперь мы его задушим колхозом» [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 424].

Следует отметить, что оппоненты режима использовали самые разнообразные приемы противодействия властям в проведении коллективизации и хлебозаготовок: призыв принимать все виды заданий правительства без возражений, но не выполнять их; агитацию за вступление в колхоз без семян, без лошадей; отказ сеять, объясняя тем, что все равно мы не хозяева, или сеять столько, чтобы только прожить; опору в борьбе против колхозов на женщин и церковь [15. Оп. 12. Д. 20.

Л. 122, 123, 446 об.; Оп. 4. Д. 37. Л. 10–11]; распространение слухов о восстаниях в соседних селениях [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 177]; призывы к восстанию и экстремистским методам борьбы с властью [15. Оп. 12. Д. 21. Л. 4]; запугивание бедняков перед вступлением в колхоз [15. Оп. 12. Д. 21. Л. 8]; распространение слухов о предстоящей войне, о мобилизации на войну колхозников, о якобы запрещении колхозникам ходить в церковь [15. Оп. 12. Д. 21. Л. 159–159 об.]; агитация против применения машин [15. Оп. 12. Д. 16. Л. 12]; призывы резать скотину; противопоставление колхозов совхозам [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 41].

Особое место в крестьянской жизни занимали слухи. В условиях информационного вакуума, слабой агитационной работы партийных и комсомольских организаций слухи становились базой для обсуждения насущных проблем и обрастали фантастическими подробностями. В 1931 г. активно говорили о политических изменениях и начавшейся войне. В селе Усинск Сызранского района в феврале 1931 г. распространялись слухи: «Сейчас идет война, Франция заняла Москву, и правительство переехало в Самару»; «Керосину нет, потому что Баку взяли белые, и крестьянам об этом не говорят» [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 177]. В то же время в Сергиевском районе ходили слухи: «Польша вступила на нашу границу, а наше правительство, боясь войны, затыкает Польшу глотку и обирает крестьян»; «Харьков уже взят империалистами, там идут ужасные бои и от народа скрывают» [15. Оп. 12. Д. 21. Л. 4].

Надежды на смену власти порождали слухи о смещении Сталина с поста руководителя страны, о том, что «Крупская зарезала Сталина» и т. п. В Новодевиченском районе среди учителей и учащихся шли разговоры, что, раз Сталина исключили из партии, а он вождь ВКП(б), следовательно, вся политика Сталина и партии за последние годы признана неправильной. Раз так – не надо колхозов, совхозов, МТС; надо отказаться от индустриализации, пятилетки, ликвидации кулачества [15. Оп. 12. Д. 21. Л. 4, 65].

Также надежды на перемены связывали с предстоящей войной (надеялись, что она начнется весной 1931 г.) и возвращением старой власти [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 156, 193, 237 об., 254, 266; Д. 21. Л. 4, 73].

Немцы Покровского района связывали мечты со свободой выезда и заявляли: «Если бы был свободный выезд в Америку, значительная часть нынешних колхозников уехала бы»; «Колхозы неприемлемы для немцев, мы можем вести хозяйство самостоятельно. Сами и распорядиться им. Теперь вся надежда у нас выехать в Америку»; «Если немцев не будут задерживать в СССР, то они на 95 % уедут в Америку, так как для крестьян в СССР жить стало невозможно» [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 239].

Следует выделить антикоммунистическую направленность части высказываний. В селе Байдеряково Сызранского района был распространен лозунг: «Не надо в колхоз коммунистов и комсомольцев» [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 177]. Население выступало против избрания в Советы коммунистов и комсомольцев: «Надо выбирать старых людей, которые не будут обижать население всякими сборами, коммунистов и колхозников не надо, ибо они не заинтересованы улучшением положения крестьян-единоличников» [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 193]. В ряде сел в разговорах обещали устроить коммунистам «вахламеевскую» ночь и зарезать [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 254; Д. 21. Л. 73, 74, 239]. На Румянцевской фабрике Барышского района рабочие заявляли на собраниях: «Нам свергнуть бы Советскую власть, мы бы тогда разделились с коммунистами», «Скорей бы война, и сшибли бы вас, то есть коммунистов, дайте вы нам оружие, тогда мы вам покажем», «У нас нет ничего, рабочих с голоду уморили» [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 386].

Важно отметить, что власть часто не учитывала особенности ментальности крестьянства. Показателен следующий пример. ВКП(б) нацеливала на ликвидацию кулачества как класса. Однако в крестьянской среде отношение к кулакам было неоднозначным и не всегда совпадало с партийными установками о классовой враждебности кулачества.

В 1920-х годах многие крестьяне рассуждали так: «Не тот кулак, кто честно трудится и улучшает хозяйство для восстановления разрушенной страны приобретением лишней головы скота и тому подобное, а кулак тот, кто и до настоящего времени не может примириться с рабоче-крестьянским правительством, щипя из-за угла власть и оплакивая сладкие николаевские булки» [7]. Крестьянское хозяйство с хорошим домом, несколькими коровами и лошадьми, нажитое упорным трудом в области землепользования, с применением агрономии, в сознании многих сельских жителей следовало считать трудовым. А всякий бедняк, бедность которого будет доказана, что происходит от лени, разгильдяйства, пьянки, должен считаться врагом советской страны и позором своей деревни [7, с. 27, 49]. Подобное понимание кулака и труженика сохранялось и в период «великого перелома». Поскольку нередко кулак был самым грамотным и практичным в деревне, то и отношение к нему сохранялось уважительное. Да и если взять эпизод из «Поднятой целины» М.И. Шолохова о собрании по поводу вступления в колхоз, то, пока не подал заявление кулак Островнов, большинство занимало выжидательную позицию.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что «генеральная линия» партии в деревне во многом не учла ментальности крестьянства, его интересов, что и вызвало неприятие, осуждение проводимой политики «великого перелома» значительной частью сельского и городского населения.

Библиографический список

1. Вербицкая О.М. Советские аграрные преобразования и их уроки // Реформы и реформаторы в истории России: сб. ст. М.: ИРИ РАН, 1996.
2. Виола Л. Коллективизация как гражданская война // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М.: РОССПЭН, 2011. С. 102–111.
3. Вылцан М.А. Репрессии против крестьян в 30-е годы // Власть и общество в СССР: политика репрессий (2040-е гг.): сб. ст. М.: ИРИ РАН, 1999. С. 236–265.
4. Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. Т. 1: 1929 – июль 1932: в 2 кн. Кн. 1. / отв. сост. В.В. Кондрашин. М.: МФД, 2011. 656 с.; Кн. 2. М.: МФД, 2011. 560 с.
5. Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 328 с.
6. Данилов В.П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5.
7. Деревня при нэпе. Кого считать кулаком, кого – тружеником. Что говорят об этом крестьяне? М.: Красная новь, 1924. 104 с.
8. Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. М.: Политиздат, 1989. 526 с.
9. Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2. С. 3–19.
10. Ивницкий Н.А. Коллективизация сельского хозяйства СССР: опыт, уроки, выводы. М.: Знание, 1988. 25 с.
11. История советского крестьянства: в 5 т. Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. М.: Наука, 1986. 448 с.
12. Коллективизация на территории Волгоградской области. 1928–1932. Волгоград: ООО «Издательство Крутон», 2011. 968 с.

13. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в современной российской и зарубежной историографии: взгляд из России // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. М.: РОССПЭН, 2011.
14. Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002. 208 с.
15. Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф. 1141 – Средневолжский крайком ВКП(б).
16. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. / Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. / под ред. А. Береловича и В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2003. 864 с.; Кн. 2. 1932–1934 гг. М.: РОССПЭН, 2005. 840 с.
17. Сталин И.В. Год великого перелома // Правда. 1929. 7 ноября
18. Тепцов Н.В. В дни великого перелома: История коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) по письмам и воспоминаниям. 1929–1933 годы. М.: Издательский дом «Звонница», 2002. 416 с.
19. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 1–5. М.: РОССПЭН, 1999–2004.
20. Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: в 2 т. Т. 2. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. М.: Мысль, 1976. 567 с.
21. «Тянут с мужика последние жилы...». Налоговая политика в деревне. 1928–1937. М.: Собрание, 2007. 638 с.
22. Фицпатрик Ш. Еще раз о повседневном сталинизме: Советская Россия в 1930–1950-е гг. // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М.: РОССПЭН, 2011. С. 51–61.

References

1. Verbickaya O.M. *Sovetskie agrarnye preobrazovaniia i ikh uroki* [Soviet agrarian transformations and their lessons]. In: *Reformy i reformatory v istorii Rossii: Sbornik statei* [Reforms and reformers in the history of Russia: Collection of articles]. M: IRI RAN, 1996 [in Russian].
2. Viola L. *Kollektivizatsiia kak grazhdanskaia voina* [Collectivization as a civil war]. In: *Istoriia stalinizma: itogi i problemy izucheniia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 57 dekabria 2008 g.* [History of Stalinism: results and problems of study. Materials of international scientific conference. Moscow, December 57, 2008]. M.: ROSSPEN, 2011. P. 102–111 [in Russian].
3. Vyltsan M.A. *Repressii protiv krest'ian v 30-e gody* [Purges against peasantry in 30-ies]. In: *Vlast' i obshchestvo v SSSR: politika repressii (2040-e gg.): Sbornik statei* [Power and society in the USSR: policy of purges (2040-ies): Collection of articles]. M: IRI RAN, 1999. P. 236–265 [in Russian].
4. *Golod v SSSR. 1929–1934: V 3 t. T. 1: 1929 iul' 1932: V 2 kn. Kn. 1. Otv. sostavitel' V.V. Kondrashin* [Famine in the USSR. 1929–1934: In 3 Vols. Vol. 1: 1929 – July 1932: In 2 Books. Book 1. Responsible compiler V.V. Kondrashin]. M.: MFD, 2011. 656 p; Book 2. M.: MFD, 2011. 560 p. [in Russian].
5. *Golos naroda: Pis'ma i otkliki riadovykh sovetskikh grazhdan o sobytiakh 1918–1932 gg.* [The voice of the people: letters and responses of common citizens of the USSR about the events of 1918–1932]. M: ROSSPEN, 1998. 328 p. [in Russian].
6. Danilov V.P. *Kollektivizatsiia sel'skogo khoziaistva v SSSR* [Collectivization of agriculture in the USSR]. *Istoriia SSSR* [History of the USSR]. 1990. No. 5 [in Russian].
7. *Derevnia pri nepe. Kogo schitat' kulakom, kogo truzhenikom. Chto govoriat ob etom krest'iane?* [Village in the period of NEP. Whom to consider kulak, and whom a worker. What peasants think about that?]. M.: Krasnaia nov', 1924. 104 p. [in Russian].
8. *Dokumenty svidetel'stvuiut: iz istorii derevni nakanune i v khode kollektivizatsii* [Documents testify: from the history of village on the eve and during collectivization]. M.: Politizdat, 1989. 526 p. [in Russian].

9. Zelenin I.E. *O nekotorykh «belykh piatnakh» zavershaiushchego etapa sploshnoi kollektivizatsii* [On some «blind spots» of the final stage of complete collectivization]. *Istoriia SSSR* [History of the USSR]. 1989. No. 2 [in Russian].
10. Ivitsky N.A. *Kollektivizatsiia sel'skogo khoziaistva SSSR: opyt, uroki, vyvody* [Collectivization of agriculture of the USSR: experience, lessons, conclusions]. M.: Znanie, 1988. 25 p. [in Russian].
11. *Istoriia sovetskogo krest'ianstva: V 5 t. T. 2. Sovetskoe krest'ianstvo v period sotsialisticheskoi rekonstruktsii narodnogo khoziaistva. Konets 1927–1937* [History of Soviet peasantry; in 5 Vols. Vol. 2: Soviet peasantry in the period of socialist reconstruction of national economy. End of 1927–1937]. M.: Nauka, 1986. 448 p. [in Russian].
12. *Kollektivizatsiia na territorii Volgogradskoi oblasti. 1928–1932* [Collectivization on the territory of Volgograd region. 1928–1932]. Volgograd: OOO «Izdatel'stvo Kruton», 2011. 968 p. [in Russian].
13. Kondrashin V.V. *Golod 1932–1933 gg. v sovremennoi rossiiskoi i zarubezhnoi istoriografii: vzgliad iz Rossii* [Famine of 1932–1933 in the modern Russian and foreign historiography: view from Russia]. In: *Sovremennaia rossiisko-ukrainskaia istoriografiia goloda 1932–1933 gg. v SSSR* [Modern Russian and Ukrainian historiography of famine of 1932–1933 in the USSR]. M.: ROSSPEN, 2011 [in Russian].
14. Livshin A.Ya., Orlov I.B. *Vlast' i obshchestvo: Dialog v pis'makh* [Power and society: dialog in letters]. M.: ROSSPEN, 2002. 208 p. [in Russian].
15. *Samarskii oblastnoi gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Samara Regional State Archive of Socio Political History]. F. 1141 – Middle Volga krai committee of All-Union Communist Party bolsheviks [in Russian].
16. *Sovetskaia derevnia glazami VChKOGPUNKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy. V 4-kh t. T. 3. 1930–1934 gg. Kn. 1. 1930–1931 gg. Pod red. A. Berelovicha i V. Danilova* [Soviet village by the eyes of ChekaOGPUNKVD. 1918–1939. Documents and materials. In 4 Vols. Vol. 3. 1930–1934. Book 1. 1930–1931. A. Berelovich and V. Danilov (Eds.)]. M.: ROSSPEN, 2003. 864 p.; Book 2. 1932–1934. M.: ROSSPEN, 2005. 840 p. [in Russian].
17. Stalin I.V. *God velikogo pereloma* [Year of the Great Turn]. In: *Pravda*. 1929. 7 November [in Russian].
18. Tepcov N.V. *V dni velikogo pereloma: Istoriia kollektivizatsii, raskulachivaniia i krest'ianskoi ssylki v Rossii (SSSR) po pis'mam i vospominaniiam. 1929–1933 gody* [In the days of the Great Turn: history of collectivization, dekulakization and peasant exile in Russia (USSR) according to the letters and reminiscences. 1929–1933]. M.: Izdatel'skii dom «Zvonitsa», 2002. 416 p. [in Russian].
19. *Tragediia sovetskoi derevni. Kollektivizatsiia i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy. T. 15* [Tragedy of Soviet village. Collectivization and dekulakization. 1927–1939. Documents and materials. Vol. 15]. M.: ROSSPEN, 1999–2004 [in Russian].
20. Trapeznikov S.P. *Leninizm i agrarno-krest'ianskii vopros v 2-kh t. T. 2. Istoricheskii opyt KPSS v osushchestvlenii leninskogo kooperativnogo plana* [Leninism and agrarian and peasant issue in 2 Vols. Vol. 2: Historical experience of CPSU in realization of Lenin cooperative plan]. M.: Mysl', 1976. 567 p. [in Russian].
21. «*Tianut s muzhika poslednie zhily...»*. *Nalogovaia politika v derevne. 1928–1937* [«They drag the last veins out of a peasant...». Fiscal policy in the village. 1928–1937]. M.: Sobranie, 2007. 638 p. [in Russian].
22. Fitzpatrick Sh. *Eshche raz o povsednevnom stalinizme: Sovetskaia Rossiia v 1930–1950-e gg.* [One more time about everyday Stalinism: Soviet Russia in 1930–1950-ies]. In: *Istoriia stalinizma: itogi i problemy izucheniia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 5–7 dekabria 2008 g.* [History of Stalinism: results and problems of study. Materials of international scientific conference. Moscow, December 5, 2008]. M.: ROSSPEN, 2011. P. 51–61 [in Russian].

*V.N. Paramonov**

«THE GREAT TURN» IN THE PERCEPTION OF CONTEMPORARIES

On the basis of archival materials, some of which are introduced into scientific circulation for the first time, analyzed the perception of collectivization, grain procurement in the Middle Volga region. We used documents of party and government bodies, the plenipotentiary of the OGPU and its subordinate departments, letters, appeals, complaints from citizens, preserved in the archives. Firstly, the attitude towards the «great turn» was ambiguous; along with supporters and agents of the party-state policy had a lot of sit on the fence and opponents. Secondly, and among those who were intended to carry out collectivization, grain reserves, to fight with kulaks, turned out to doubt the correctness of the policy. Thirdly, in terms of illiteracy, lack of official information, a significant role in the socio-political life of the village played a rumor. Fourth, the quality of the information provided was sufficient, and the confidence level associated with the desire of the Party and government bodies to receive accurate information in order to respond adequately to the situation.

Key words: great turn, mentality, authorities and population, collectivization, grain procurements, party, peasantry, historical sources.

Статья поступила в редакцию 21/VII/2016.
The article received 21/VII/2016.

* *Paramonov Vyacheslav Nikolaevich* (parvja@mail.ru), Department of History and Philosophy of Science, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.